

Лев Иванович Давыдычев
Лёлишна из третьего подъезда
Серия «Веселые истории в школе и дома»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16895734

Лёлишна из третьего подъезда / Л. И. Давыдычев ; [худ. Е. Володькина]: РИПОЛ классик; Москва;

2015

ISBN 978-5-386-08705-0

Аннотация

У девочки по прозвищу Лёлишна нет родителей. Зато есть дедушка, за которым нужно присматривать, потому что он очень старенький. Лёлишна очень мужественная и самостоятельная девочка. Она может и в доме убрать, и еду приготовить, и одежду постирать, и даже тигрёнка приручить!

Вся повесть – как цирковое представление. Заходите. Вход свободный!

Содержание

Парад участников	5
Лёлишна Охлопкова	5
Петька-Пара	8
Виктор Мокроусов	10
Укротитель львов Эдуард Иванович	12
Злая девчонка Сусанна Кольчикова	14
Продолжаем парад участников нашего представления!	15
Человек, которому никто не верит, фокусник Григорий Васильевич	15
Гроза жуликов и хулиганов милиционер Горшков и его подопечный, не поддающийся воспитанию Головешка	17
Начинаем нашу программу. Отделение первое	19
Открывает первое отделение Петька-Пара	19
Второй номер нашей программы исполняет злая девчонка Сусанна Кольчикова	21
Продолжаем нашу программу. Выступают артисты разговорного жанра – бабушки и дедушка	25
Весь вечер на ковре Петька-Пара!	27
Следующий номер нашей программы несколько задерживается по вине автора	30
А теперь, уважаемые читатели, продолжаем нашу программу!	31
Пятым номером нашей программы – Виктор Мокроусов ловит тигрёнка	33
Следующим номером нашей программы летающие штаны и дrrrrrrака	35
Следующим номером нашей программы ПЕРВАЯ В МИРЕ ДЕВОЧКА – УКРОТИТЕЛЬНИЦА ТИГРЁНКА!	39
Следующий номер нашей программы опять задерживается и опять по вине автора	40
Продолжаем нашу программу!	41
Девятый номер нашей программы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лев Иванович Давыдычев

Лёлишна из третьего подъезда

© Текст. Давыдычев Л. И., наследники, 2015

© Иллюстрации. Володькина Е. М., 2015

© Художественное оформление обложки. Бугославская Н. В., 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

И если уж так случилось, что повесть эта связана с цирком, то автору невольно пришлось использовать слова, принадлежащие манежу. Цирковое представление, как известно, начинается с парада участников... Вот и сейчас вы попадёте на парад участников повести «Лёлишна из третьего подъезда».

Парад участников

Лёлишна Охлопкова

Лёля Охлопкова, которую все называют Лёлишна, живёт в нашем доме – в третьем подъезде, на пятом этаже.

Ей одиннадцать лет.

Живёт она с дедушкой. Родители её умерли.

Хотели Лёлишну взять в детский дом, но дедушка сказал:

– Не выйдет.

И заплакал. Он ведь очень старенький, и ему совсем не хотелось оставаться одному.

Потом его хотели взять в дом для престарелых, но Лёлишна сказала:

– Не выйдет.

И не заплакала, потому что хотя и была маленькой, да ещё девочкой, но характер у неё был мужественный.

Она сказала дедушке:

– Пойдём-ка лучше купим мороженого.

Так они и сделали.

Сначала им стало весело, однако когда вернулись домой, дедушка опять чуть не заплакал.

– Ты только слушайся меня, – сказала Лёлишна, – и всё будет очень замечательно!

– Ладно, – ответил дедушка, – за меня не беспокойся. Я буду вести себя очень прекрасно.

Он выпил валерьяновых капель (тридцать четыре штуки), прилёг и заснул.

Лёлишна поцеловала его в лоб, вышла на балкон и расплакалась, хотя у неё был мужественный характер.

«Бедный дедушка, – подумала она. – Он ведь тоже сирота. У меня мамы и папы нет, и у него мамы и папы нет. Одни мы с ним остались».

Но долго переживать у неё не было возможности: некогда, забот много. Вряд ли кто из вас поймёт это, разве что некоторые девочки. А кто поймёт, тому и растолковывать не нужно.

Достаточно лишь сказать: Лёлишна была главой семьи. А быть главой семьи хотя бы из двух человек – дело трудное и неблагодарное. И главная его трудность заключается в том, что состоит оно из мелких мелочей.

Казалось бы, чего проще – сходить на рынок и в магазины, приготовить обед, прибрать квартиру?

А ну попробуйте.

И вы увидите самое неприятное, увидите, что время проходит. Да, да, пройдёт несколько часов, а что, собственно, вы успели сделать? Мелкие мелочи. Даже и похвастаться нечем.

Все до того привыкли считать работы по домашнему хозяйству не стоящими внимания, что и не обращают на них внимания. Но...

НО...

едят!

Причём каждый день,

причём не один раз

и чтоб ВКУСНО было!

Поели, «спасибо» сказали.

А кто посуду мыть будет?

А кто пол мыть будет?

Бельё стирать?

Гладить бельё кто будет?

Лёлишна всё делала сама. Если дедушка и брался помогать, то лучше бы и не помогал: путал он всё, забывал, всё у него из рук валилось – старенький был дедушка.

На днях он сжёг на сковороде трёх рыб, которых внучка поручила ему зажарить.

– Ах, тебя ни о чём нельзя попросить! – воскликнула Лёлишна, а дедушка стал уверять, что обожает полусгоревшую рыбу.

И в доказательство даже съел одну штуку.

А после этого ему стало плохо.

И Лёлишна весь вечер просидела у его кровати.

Старый да малый – это очень трудно, но выручала дружба. Дедушка и внучка были верными друзьями.

И если вам часто не хватает времени, то у Лёлишны свободного времени почти не было. Она никому не жаловалась, никто и не замечал, как ей живётся.

Но, повторяю, характер у девочки был мужественный. Не будь у неё такого характера, я бы и писать о ней не стал.

Петька-Пара

Это что такое? Все участники нашего парада стоят на ногах, а этот...

Лежит!

И спит...

Разрешите представить вам Петьку-Пару, чемпиона по плевкам, известного двоечника.

Спать он может до двух часов дня (если его разбудят, а если – нет, то до трёх или четырёх часов).

Будит его бабушка. На эту операцию ей требуется часа полтора, а то и два.

Да ещё с половиной.

Сначала бабушка снимает с внука одеяло и выдёргивает из-под его головы подушку.

Тогда он суёт себе под голову кулак, а другой рукой накрывает плечо.

И спит.

Затем бабушка вытаскивает из-под него матрац.

Петька остаётся на голой раскладушке.

И спит.

Бабушка выливает на него стакан холодной воды.

Петька вертится, крутится, но не просыпается.

Бабушка выливает на него ещё стакан холодной воды.

Петька недовольно хрюкает, плюётся, но не просыпается.

Тогда бабушка опрокидывает раскладушку.

Петька стучается об пол и продолжает спать.

Примерно через полчаса он встаёт на четвереньки: холодно лежать на полу!

И ползёт, не открывая глаз. Ползёт к ковру.

Но хитрая бабушка ставит на его пути стул.

Петька стук об него лбом и поворачивает в сторону. И опять натывается на стул.

Стукнувшись о стул раз восемь, Петька садится и начинает протирать глаза.

А бабушка уже наготове – стоит с миской в руках.

А в миске – каша.

И ещё не проснувшись, внук широко раскрывает рот, а бабушка складывает туда кашу.

Петька глотает.

Съев кашу, он просит:

– Чай!

Бабушка мчится за чаем.

Насытившись, Петька сначала открывает один глаз, а через несколько минут – второй.

Но если вы думаете, что он уже проснулся, то ошибаетесь.

Бабушка берёт его под мышки, поднимает и держит так до тех пор, пока внук не перестанет покачиваться.

Она отпускает его и говорит:

– Вот мы и проснулись.

Бывало, что Петька засыпал среди бела дня. Это кончалось тем, что замок в дверях приходилось взламывать.

Мог он уснуть и в трамвае, и в кинотеатре, и в бане, а уж как крепко спал он на уроках – и говорить не надо! Замечательно спал.

Ещё любил Петька плевать. Это было его любимое занятие. Он мечтал научиться плевать так метко, чтобы с высоты пятого этажа попадать в гривенник.

В каждом классе Петька сидел по два года; и к этому все так привыкли, что если бы он вдруг перешёл в следующий класс как положено, то все бы удивились.

Когда его отца вызывали в школу и жаловались на сына, отец говорил:

– Ничего, гражданка учительница, образумится парень со временем. Вот пойдёт в армию, там из него человека сделают. Любо-дорого на парня посмотреть будет.

– А до армии? – спрашивала учитель ница.

– Живёт ведь. А что? – невозмутимо спрашивал отец. – Не ворует, людей не убивает. Правда, соображает он плоховато. Так ведь не всем же академиками быть. Дворники тоже нужны.

Но Петька ни дворником, ни академиком быть не собирался. Любил он:

поесть,

поспать

и поплевать.

Больше Петьку ничто в жизни особенно не интересовало. В это лето он перешёл в третий класс. Точнее сказать, не перешёл, а переполз.

Виктор Мокроусов

Вот он в четвёртый класс не перешёл, а, точнее сказать, перебежал, так как учился он очень хорошо.

Живёт он в том же доме, что Лёлишна и Петька, в первом подъезде, на третьем этаже.

Когда Виктор во дворе, все могут быть спокойны. Он, если потребуется, наподдаст любому хулигану, защитит малыша или девочку; синяк под глаз получит, но не убежит от опасности. И вовсе не потому, что он сильнее всех или длиннее. Наоборот – Виктор самого среднего роста и мускулы у него самые обыкновенные.

Сильным его делает смелость.

А откуда он, по-вашему, взял эту смелость?

На дороге нашёл?

Или займы у кого-нибудь попросил?

Или на ножичек выменял?

Или папа у него космонавт?

Или Герой Советского Союза?

Нет, нет, нет и нет.

Папа у него бухгалтер, тихий человек. Про таких говорят: мухи не обидит.

А смелость на дороге не валяется.

Никто её займы дать не может.

И на ножичек не сменяет.

До второго класса Виктор был трусоват.

Вот гулял он однажды в городском парке, вдруг слышит ребячий голоса:

– Головешка идёт! Головешка идёт!

Оглянулся Виктор, а к нему подбегает этакий чумазый тип и говорит:

– Давай деньги! Ну!

– Какие деньги? – заикаясь от страха, спросил Виктор.

– Твои. А ну – давай! – И этакий чумазый тип стукнул его по лбу.

Виктор бежать.

Прибежал домой весь в слезах, рассказал о том, что сейчас с ним случилось.

– Ну и дурак, – сказал отец. – Выходит, что зря мы тебе такое имя дали. Придётся его сменить. Виктор – значит победитель. Звать тебя победитель, а ты никого победить не можешь. Какой-то Головешки испугался.

– Он меня по лбу! Кулако-о-о-ом!

– Будет так! – рассердился отец. – Или ты становишься победителем, или мы меняем тебе имя!

Задумался Виктор. К имени своему он привык – хорошее имя, красивое.

Виктор – победитель.

Чтобы оправдать имя, надо быть смелым.

Но как – стать смелым?

Надо тренироваться, учиться быть смелым.

А как???

А вот так: не бояться и – всё!

И Виктор пошёл в городской парк.

И сразу увидел Головешку – такого чумазого типа.

Как и следовало ожидать, тип подскочил, скомандовал:

– А ну, давай деньги!

– Денег у меня нет, а если бы и были, то ничего бы ты не получил.

– Зато ты получишь! – крикнул Головешка и стукнул его уже не по лбу, а в лоб.
Виктор – реветь и наутёк.

Добежал он до выхода из парка и остановился. Что же такое случилось? Опять победителя победили?

По щекам его текли слёзы, но он двинулся обратно.

Головешка, увидев Виктора, захохотал.

Однако долго ему хохотать не пришлось.

Виктор закрыл от страха глаза и махнул рукой.

И попал Головешке по плечу.

Тот дал сдачи.

Виктор – реветь и стукнул его по лбу.

Народ собрался.

Девчонки визжат, попискивают. Мальчишки советы дают.

Вдруг – милицейский свисток. Все в-р-ас-с-ып-н-ую.

Быстрее всех умчался Головешка.

Один Виктор остался.

Подходит милиционер Горшков, спрашивает:

– Что тут имело место?

– Победитель побеждал, – с плачем ответил Виктор.

– Какой это победитель?

– Я-а-а-а-а-а-а... – на весь парк заревел Виктор.

– Какой же ты победитель? – удивился милиционер Горшков. – Во-первых, ревьшь. Во-вторых, нос у тебя расквашен, под глазом синяк и щека расцарапана. Полюбуйся-ка! – он достал из кармана маленькое зеркальце и протянул мальчику.

– Ого-го! – воскликнул Виктор, увидев свою физиономию точно такой, какой её описал милиционер. – Цветная фотография получилась. Меня Виктором зовут, – объяснил он, – а это значит победитель. Вот я и решил смелым стать, чтобы не трусить. Раньше я от Головешки бегал, а сегодня он убежал.

– От Головешки? – спросил Горшков. – Знаю такого. Ну ладно, ты не убежал. Зато ревел.

– Ну и что? Просто рот забыл закрыть.

– А как сейчас самочувствие?

– Ничего, только пить хочу.

И милиционер угостил Виктора газированной водой с вишнёвым сиропом, а на прощанье сказал:

– Во-первых, когда побеждать будешь, рот закрывай. Во-вторых, когда подрастёшь, приходи в милицию работать. Нам смелые люди очень нужны.

Домой мальчишка шёл гордый и весёлый. Сегодня он действительно был победителем, хотя и забыл при победе закрыть рот, хотя нос у него был расквашен, под глазом красовался синяк, а щека была расцарапана.

Сегодня Виктор действительно победил свою трусость.

Только не надо думать, что дальше у него всё шло гладко. Нет, как и всякое плохое качество, трусость уничтожить было трудно. Она просыпалась в минуты опасности почти каждый раз.

И каждый раз с ней надо было бороться.

И каждый раз Виктор её побеждал.

Укротитель львов Эдуард Иванович

Он тоже самый смелый человек. Ведь если даже обыкновенная кошка, какая-нибудь там Муська или Дуська, исцарапать может, то львы, сами представляете, на что способны. Хлоп лапой – и, как говорится, каюк в белых тапочках!

Конечно, на поясе Эдуарда Ивановича висели пистолеты, но патроны в них были не настоящие – холостые, потому что стрелять в цирке нельзя: можно случайно попасть в зрителей.

Правда, на всякий случай были ещё шланги, чтобы поливать зверей холоднющей водой, если они взбунтуются.

Были у Эдуарда Ивановича и помощники. Во время представления они стояли наготове с длинными железными палками в руках.

Но стояли они за клеткой.

Так что единственным оружием дрессировщика был бич, которым он щёлкал – как стрелял.

– Почему львы вас слушаются? – часто спрашивали Эдуарда Ивановича зрители.

– А потому что я нахал и обманщик, – смеясь, отвечал укротитель. – Я нахально обманываю их, доказывая, что я будто бы их сильнее. Как только они догадаются, что я их слабее, так они меня – ам!

Вам, конечно, интересно узнать, как Эдуард Иванович стал укротителем?

Цирк он любил с детства и, когда подрос, пошёл туда работать. Был он и рабочим, и кассиром, и контролёром, а потом стал ассистентом жонглёра, то есть помощником его. А потом и сам стал жонглёром. Хищники ему нравились, но он и думать боялся о том, чтобы войти в клетку к зверям.

Однажды во время представления укротителю львов стало плохо. Он был пожилым человеком и неожиданно почувствовал, что сердце у него вот-вот разорвётся. Он шагнул к выходу и упал.

Упал он лицом вниз. А хищникам нельзя показывать спину. Они обязательно бросятся на неё.

Ещё никто не успел сообразить, что же произошло, как Эдуард Иванович, стоявший у выхода на арену, открыл дверь в коридор из железных прутьев (по этому коридору львов выпускают на арену).

Он выбежал на манеж, подхватил дрессировщика под мышки и вытащил в безопасное место.

А львы словно обезумели – заметались, подняли страшный рёв.

В цирке началась паника.

Можно было бы подождать, когда публика выйдет из помещения, и загнать зверей в клетки потоками воды из шлангов. Но делать этого не хотелось. В цирке есть закон – доводить любой номер до конца.

И Эдуард Иванович во второй раз вышел на арену – к метавшимся львам.

Он взял бич, щёлкнул им – как выстрелил.

У него было такое весёлое, такое бесстрашное лицо, что зрители сразу успокоились, подумали, что будто так и надо было.

А Эдуард Иванович щёлкал бичом, наступал на львов, загонял их в коридор из железных прутьев.

И улыбался.

Когда последний лев был изгнан с арены и закрыт в клетку, молодой жонглёр стал раскланиваться перед довольной публикой как ни в чём не бывало.

Как будто всю жизнь он только то и делал, что укрощал львов.

Старый дрессировщик обнял его, расцеловал и проговорил:

– Я больше работать с ними не могу. Они уже не будут меня слушаться. Бери моих львов.

Так Эдуард Иванович стал укротителем.

Интересная и опасная была у него профессия. Но какие бы с ним ни приключались беды и несчастья, он не унывал.

Как-то ему пришлось проводить репетицию ночью. В цирке никого не было, кроме нескольких рабочих и уборщиц.

И ВДРУГ ПОГАС СВЕТ.

Наступила полная темнота.

Укротитель, стоя посередине арены, не только не видел, но и не слышал сразу притаившихся львов и львиц.

А они его и слышали, и видели.

Что делать?

Он щёлкнул бичом.

Осторожно попятился.

И прислонился спиной к решётке.

И тут вспыхнул свет.

В трёх шагах от себя Эдуард Иванович увидел двух львиц, приготовившихся к прыжку.

– Ай-я-яй! – сказал им дрессировщик. – Как вам не стыдно? А я-то думал, что вы меня любите. А вы решили меня слопать? По местам!

И он продолжил репетицию.

Злая девчонка Сусанна Кольчикова

Я бы с удовольствием не написал о ней ни строчки, если бы она не участвовала в представлении.

Ей десять лет. Всего десять лет!

Но за свою небольшую жизнь она ухитрилась сделать людям столько неприятностей, сколько другому не сделать и за двести лет.

Можно сказать, что она только тем и занималась, что злилась.

И со злости творила всякого рода безобразия.

Ростом она маленькая; худенькая, вёрткая.

Пулей вылетит из подъезда.

Стукнет кого-нибудь по затылку.

И обратно – пулей в подъезд, домой!

А дома её встречают одна мама, один папа и две бабушки. Они до того обожают свою ненаглядненькую Сусанночку, что считают её самым замечательным ребёнком на всём земном шаре! Они и не подозревают, какие она творит злодеяния.

Однажды Сусанна проколола гвоздём футбольный мяч, ткнула в покрышку и – пши-и-и-и...

Двадцать мальчишек – сорок ног – бежали за ней.

И её – две ноги – не поймали!

Кстати, это она научила Петьку-Пару плевать. Сказала ему, что если целый день плевать на одно место, то к вечеру на этом месте вырастет белый гриб. Петька

плевал,

плевал,

плевал,

п-л-е-в-а-л...

Никакого белого гриба, даже мухомора, конечно, не выросло, а плевать – понравилось. Привык.

Даже Виктор Сусанны побаивался. А что делать? Бежит мальчишка, она ему подножку – раз! Он плюх на землю, искры из глаз, голова гудит. Он вскочит и – на Сусанну с кулаками. Она – реветь и звать на помощь. Люди видят: стоит девочка, плачет в четыре ручья (по два из каждого глаза), а её хотят бить. И все – ей на помощь. Вот она какая, Сусанна Кольчикова.

Продолжаем парад участников нашего представления!

Человек, которому никто не верит, фокусник Григорий Васильевич

Вот как мы с ним познакомились. Был я в командировке, ждал поезда на маленькой железнодорожной станции.

Наступила ночь. До поезда оставалось часа два.

Смотрю: на скамейке под фонарём сидит человек и...

У меня от удивления, как говорится, глаза на лоб полезли, а от страха волосы на голове зашевелились.

Ведь человек этот поднимал с земли гальки, подбрасывал их в воздух и они

п
а
д
а
л
и
е
м
у
в
р
о
т.

Я начал считать гальки. Одна... десять... тридцать шесть...

Человек поднял гальку величиной с кулак, подбросил в воздух и – проглотил! Заметив меня, он сказал:

– Присаживайтесь.

А я подумал: «Вдруг он возьмёт меня, подбросит в воздух и – проглотит?!»

– Садитесь, – снова предложил мне этот странный человек, – отдыхайте.

Я присел, а он продолжал глотать гальки.

– Что вы делаете?! – в ужасе спросил я.

– Закурить есть? – спросил этот странный человек.

– Некурящий.

Тогда он сунул руку в карман моего пиджака и достал оттуда сначала портсигар, затем спички, закурил, поблагодарил и положил спички с портсигаром мне в карман.

Я сунул туда руку – пусто.

Тогда он на моих глазах проглотил горящую папиросу, достал из уха новую, проглотил её и достал новую – из моего ботинка.

– Хватит! – весело сказал этот странный человек, видимо почувствовав, что я собираюсь бежать. – Просто я фокусник. Вот от нечего делать тренировался. Понравилось?

– Нет, – ответил я, – испугался.

Человек опустил руки, и из обоих рукавов на землю высыпались гальки, в том числе и та, величиной с кулак.

Посмеялись мы и разговорились.

Родители моего нового знакомого – Григория Васильевича – хотели, чтобы он рос не как другие дети.

Его не отпускали одного играть на улицу, в школу и обратно домой его сопровождала мама. Ребёнок рос избалованным, капризным. Родители мечтали, чтобы он прожил жизнь уютно, беззаботно.

Но однажды Гришу привели в цирк.

Видел он и ловких гимнастов, и сильных борцов, и смелых дрессировщиков, и весёлых клоунов, и красивых наездниц...

И здесь же, на представлении, он решил во что бы то ни стало быть фокусником – человеком, которому никто не верит.

И стал им.

И выпала ему жизнь не уютная, не беззаботная, а суматошная, беспокойная, даже тревожная.

Но важно выбрать себе работу по душе. Это самое главное. Лучше быть хорошим дворником, чем плохим академиком.

Да и профессия фокусника не такая уж лёгкая, как может показаться на первый взгляд.

Фокуснику никто не верит.

Никто! Ни один человек!

Зрители пожалеют оступившегося гимнаста, поскользнувшуюся наездницу, простят грубые шутки клоуна, но когда выходит на манеж фокусник, все зрители мысленно желают ему неудачи. Кое-кто считает его просто обманщиком. Ведь зрители смотрят во все глаза и сердятся, потому что не могут заметить, откуда в бумажном кульке оказывается вода или как куриное яйцо мгновенно превращается в живого петуха.

Когда в ваш город приедет цирк шапито, приходите на представление и не жалейте ладоней – хлопайте артистам, этим неутомимым, сильным, ловким и смелым труженикам!

Гроза жуликов и хулиганов милиционер Горшков и его подопечный, не поддающийся воспитанию Головешка

Жизнь у Головешки была в высшей степени скучная. Он даже читать не любил. Да чего там – читать! Он даже в футбол не играл.

А Горшков ему одно твердил:

– Думай. Включай свою мозговую систему на полную мощность.

Нет уж, если жизнь не удалась, никакая тут система не поможет, сколько её ни включай! Вот раньше, когда с жуликами дружил, жить было интересно. Воровать Головешке (а так его прозвали за то, что он был черноволосый и всегда чумазый), скажем прямо, понравилось. Конфеты ел, в кино каждый день ходил, мороженое по несколько штук за один раз сглатывал, по целой бутылке фруктовой выпивал и целой булкой закусывал.

И он очень, помнится, удивился, когда его забрали в милицию.

Испугался.

Ничего не понял: ведь до этого он не задумывался над тем, что берёт чужие деньги, что совершает преступление, что не будь он маленьким, то за свои делишки угодил бы прямо в тюрьму.

Головешка выслушал Горшкова с величайшим вниманием. Раскаяние его было настолько очевидным, что разговор в милиции занял не более получаса.

Однако на другой же день милиционер явился к нему домой и долго разговаривал с матерью, Ксенией Андреевной, выспрашивал её о жизни.

Мать, конечно, расплакалась: сын растёт непутёвым, без присмотра ведь. А она больная, вот уже несколько лет не встаёт с постели. И если бы не соседка тётя Нюра, то и как бы жили – неизвестно. Лечить-то лечат, а вылечить не могут.

Головешка был благодарен Горшкову, что тот не рассказал о карманных кражах. А то бы мать совсем расстроилась.

Потом милиционер побывал в школе и через месяц примерно добился, чтобы мальчишку перевели в интернат.

Но Головешка опять связался с жуликами.

Горшков опять его поймал.

На этот раз разговор в милиции был куда строже. Тут мальчишка впервые услышал слова «неподдающийся» и «колония».

И на этот раз Горшков рассказал Ксении Андреевне всё.

– Только в интернате не говорите! – взмолился Головешка. – Я тогда оттуда убегу!

– Ты не пугай, – строго сказал Горшков. – Условия не ставь. Мы тебе условия ставить будем.

– Вы уж его больно-то не ругайте, – попросила Ксения Андреевна, – он у меня переживательный очень.

– Он у вас несознательный очень, – поправил Горшков. – Зря вы его жалеете.

– Да как же мне его не жалеть? Ведь он у меня один. Одна он моя надежда на старость.

– Надежда, надежда, – проворчал милиционер, – Если его сейчас же в руки не взять, не приструнить, он вам такую старость организует, что наплачетесь.

И не стало Головешке покою.

Горшков от него не отставал, всё хотел чем-нибудь увлечь. Хоть бы футболом! На стадион его бесплатно проводил.

Ничего не получалось.

Ничем не интересовался Головешка.

Ничем.

Ох и злился Горшков! И на себя, и на мальчишку. Зачем он только связался с ним?

У самого-то жизнь – хуже не придумаешь. Мечтал он работать в уголовном розыске, чтобы бороться с настоящими преступниками, а его держали, как он выражался, на мелкой рыбе.

И только изредка товарищ майор из уголовного розыска брал Горшкова с собой на опасные задания.

Роста Горшков был двухметрового.

– Потому тебя и не берут в розыск, – шутили товарищи, – что твою фигуру за восемь с половиной километров видно.

Зато уж жуликов Горшков не приводил в милицию, а, можно сказать, приносил за шиворот.

Иной раз по две штуки в каждой руке.

НА ЭТОМ ПАРАД УЧАСТНИКОВ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.

НАЧИНАЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!

ПЕРЕВОРАЧИВАЙТЕ СТРАНИЦЫ,

ЧИТАЙТЕ, ПОКА НЕ НАДОЕСТ!

Начинаем нашу программу. Отделение первое

Открывает первое отделение Петька-Пара

Он сидел на балконе и плевал.

И вдруг увидел на соседнем балконе Лёлишну, закричал радостно:

– Эй ты, сирота, съела кошку без хвоста! – Он мяукнул, потом гавкнул, потом крикнул петухом. – Лёлька, Лёлька, пирбе-молька! Кошка, мошка, драндулет! Мыло, сало и паркет!

– Не дразнись, пожалуйста, – попросила Лёлишна.

– А мне делать нечего, – признался Петька.

– Иди поспи, – посоветовала Лёлишна.

Петька вернулся в комнату, прилёг на диван. Уснул.

Бабушка, уходя на рынок, забыла взять ключ.

Придя домой, она все руки отбила о дверь.

Соседи выходили на помощь – тоже стучали.

– Петю будят, – сказала Лёлишна дедушке, когда они вышли во двор посидеть на скамеечке.

– Бедный ребёнок, – сказал дедушка, – они сломают дверь, а ему попадёт.

Выходил дедушка на улицу редко, так как ему было тяжело подниматься обратно на пятый этаж.

Несколько раз Лёлишна обращалась в домоуправление с просьбой поменять квартиру.

Но грозный домоуправляющий, товарищ Сурков, говорил одно и то же:

– Разберёмся.

Пока он разбирался, дедушка не имел возможности гулять каждый день.

Вот об этом они с Лёлишной и разговаривали, когда к ним подошёл высокий дяденька в голубом пиджаке, с огромным чемоданом и спросил:

– Где здесь тридцать восьмая квартира?

– Она во втором подъезде на пятом этаже, – ответила Лёлишна, – но вам в неё не попасть. Петя уснул.

– Если Петя уснёт, – объяснил дедушка, – его и пушкой не разбудить. У него феноменальный сон.

– А что мне делать? – спросил дяденька, присев на свой огромный чемодан. – Если я феноменально устал, а отдыхать мне негде?

– А вы кто такой? – спросил дедушка.

– Я дрессировщик, – раздалось в ответ, – укротитель львов. Работаю в цирке шапито.

Дедушка с Лёлишной испуганно встали, словно перед ними был не укротитель, а лев.

– Зовут меня, – дяденька встал, – Эдуард Иванович. Жить мне в вашем городе месяца три. На это время дирекция сняла мне комнату. Тридцать восьмая квартира в этом вот доме. Я только что с поезда. Устал, а тут...

Лёлишна сказала:

– Ни разу в жизни не разговаривала с живым дрессировщиком.

– Я тоже, – сказал дедушка и обиженно спросил: – А почему вам, Эдуард Иванович, обязательно жить у этого феноменального за-сони?

– У нас две комнаты, – сказала Лёлишна, – и одну мы спокойно можем отдать вам.

– С большим удовольствием, – добавил дедушка, – если, конечно, львов с собой приводить не будете.

– Не стану, – весело пообещал Эдуард Иванович. – Согласен поселиться у вас. Но есть вопрос: какие у вас характеры?

– У неё хороший, – кивнув на внучку, ответил дедушка. – А у меня так себе, средний.

– Терпимо, – укротитель опять улыбнулся. – Домой я прихожу довольно поздно, но зато в цирк вы сможете ходить бесплатно и хоть каждый день. Вас это устраивает?

Это очень устраивало Лёлишну с дедушкой!

Эх, если бы знал Петька, кого он проспал!

Второй номер нашей программы исполняет злая девчонка Сусанна Кольчикова

Она появилась во дворе нарядно одетой: в голубом, с белым воротничком платьице, на макушке – огромный голубой бант.

Самые страшные свои злодеяния Сусанна совершала именно нарядно одетой. Ведь тогда она выглядела паинькой, скромницей, и люди забывали, какая она на самом деле.

Едва она вышла из подъезда, как все малыши бросились **врассыпную**.

А бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, стали настороженно следить за каждым её шагом.

Но она – маленькая, худенькая, нарядная – не человек, а кукла из магазина «Детский мир» – гуляла, скромно опустив глазки.

И бабушки успокоились.

И малыши вернулись на свои места.

А Сусанна зорко посматривала по сторонам, выбирая жертву для очередного злодеяния.

Интересной жертвы не было.

И она (то есть Сусанна) начала злиться.

Стала покусывать губки.

Сжала кулачки.

И опустила ножку на песочный домик.

Малыш – строитель домика – заревел.

На личике злой девчонки появилась улыбочка.

Бабушки забеспокоились.

Малыши заволновались.

Но Сусанна снова скромно опустила глазки, разжала кулачки, перестала покусывать губки и вновь превратилась в куклу из магазина «Детский мир».

Из подъезда вышла Лёлишна.

– Опять Петя уснул, – озабоченно сказала она. – Бабушка на лестнице плачет, а он спит.

– Как замечательно! – радостно прошептала Сусанна. – Так ему и надо! Так ему и надо!

Так им всем и надо!

– Ты что? – удивилась Лёлишна. – У них несчастье, а ты...

– А громко бабуся ревет? – перебила Сусанна. – Обожаю, когда старушки плачут!

Пойду посмотрю! Очень интересно!

И злая девчонка вбежала в подъезд.

Но бабушки она не увидела: бабушка уже сидела у соседей и уже не плакала, а пила чай.

Разозлившись, Сусанна постучала в Петькину квартиру.

И – что бы вы подумали? Петька сразу проснулся. Вернее, не проснулся от стука, а просто выспался.

Он открыл дверь и спросил зевая:

– Чего надо?

– А ты что делаешь, Петенька? – спросила Сусанна.

– Да вот квартиру караю, – зевая, ответил Петька. – Дрессировщика какого-то поджидаю. То ли собак, то ли куриц он дрессирует, не знаю. Мы ему комнату сдаём. В цирк будем бесплатно хоть каждый день ходить. Тебе-то что тут надо?

– Замечательно! Замечательно! – Сусанна даже подпрыгнула. – Что я придумала! Что я придумала!

И так как она была в нарядном платье, с бантом на макушке, Петька и забыл, какая она на самом деле.

– Заходи давай, – предложил он, – а то я один-то опять усну.

– Что я придумала! – перепрыгнув порог, воскликнула Сусанна. – Ах, Петюнчик ты миленький! Петюшечка ты замечательная! Золотце!

– Ты не обзывайся, а говори.

– Петюлечка ты дорогая! Почему все считают тебя засоней? Только и слышишь: «Паразасоня!», «Засоня-Пара!»

– Да ну? – Петька сделал вид, что очень удивлён. – Я им... – Он погрозил кулаком.

И зевнул.

– Правильно, Петюнчик! Правильно, Петюшенчик! – сказала Сусанна ласково. – Ты им должен доказать, что они врут. Раз они считают тебя засоней, ты сиди и дверь не открывай. Ни за что не открывай. Сиди и молчи. Молчи и сиди. А потом, когда все заревут, открой дверь и скажи: «А я и не спал. Но раз вы считаете меня будто бы засоней...»

– Попадёт, – испуганно протянул Петька.

– А я здесь буду. С тобой. Скажу, что всё это я устроила.

– Всё равно попадёт. Мне больше, тебе меньше.

– Зато всех проучишь! Не будут тебя больше засоней дразнить! Уважать тебя будут, Петюлечка бесценная!

– Подумать надо...

И тут раздался СТУК в дверь.

– Не открывай, не открывай, не открывай! – шептала Сусанна, цепко держа Петьку за руку.

В дверь колотилось кулаков шесть – не меньше.

– Попадёт, попадёт, попадёт! – шептал Петька.

– Не открывай, не открывай, не открывай...

– Попадёт, попадёт, попадёт...

Вдруг – тишина. Тишина – вдруг.

– Ломать будут, – всхлипнув, сказал Петька. Он и в спокойной-то обстановке всегда туго соображал, а сейчас вообще понять не мог, что происходит. – Ломать будут! – жалобно повторил он. – Попадёт...

– Иди, – Сусанна подтолкнула его к дверям, – скажи им...

Он, хныкая, направился в коридор, остановился у дверей и заревел во весь голос.

Но было уже поздно.

Замок взломали.

Дверь открылась.

– Засоня! – сказал отец и дал ему подзатыльник.

– Жизни моей больше нет! – сказала бабушка.

– Это не я! – с рёвом ответил Петька. – Не мне по затылку надо, а Сусанне! Она меня за руку держала! Дверь не давала открывать! Можете проверить! Можете у неё спросить! Тут она! Сама обо всем расскажет! Вобла несчастная! Селёдка недожаренная!

Обыскали всю квартиру.

Даже на балкон выглянули.

Злой девчонки нигде не было.

Ни-где!

Ис-па-ри-лась!

У-ле-ту-чи-лась!

Пришлось Петьке отвечать одному. И за то, что засоня, и за то, что соврал насчёт Сусанны.

Но он не плакал.

Он думал о том, куда могла деться злая девчонка.

А попало ему здорово. Так попало, что я даже не буду описывать – как.

Сами догадайтесь.

Но повторяю: он не плакал.

Он думал о мести.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!

Только в нашей программе!

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!

Куда же исчезла Сусанна?

И как?

А вот как.

Вышла она на балкон.

Пятый этаж.

Никуда не спрячешься.

Любой человек на её месте растерялся бы.

Но Сусанна не растерялась. Она перелезла через перила. О чём – интересно – думала она в этот момент?

А думала она о том, как попадёт Петьке-Паре. Причём ему попадёт ещё больше, если она исчезнет из его квартиры. Ведь он обязательно скажет, что всё это придумала она, а её нету!

Пятый этаж.

Правда, расстояние между балконами небольшое, но какой надо быть злой, чтобы...

Сусанна —

прЫгНуЛА!

Хихикая, перелезла через перила соседнего балкона, одёрнула платице, вновь превращаясь в куклу из магазина «Детский мир».

И шагнула в комнату.

Лёлишнин дедушка пил молоко.

Увидев девчонку, он выронил из рук чашку.

Сусанна бросилась к выходу, но споткнулась и упала.

Раздался стук – это её голова ударилась об пол.

Вииииииииизг раздался.

Если бы я был злым человеком, то хохотал бы сейчас во всё горло.

А если бы я был совсем злым человеком, то написал бы, что она завизжала как поро-сёнок.

Но я пожалел Сусанну: так здорово она грохнулась.

А ещё больше мне жаль дедушку. Ведь он очень испугался.

Сусанна тоже испугалась и на четвереньках уползла в коридор.

А дедушка долго-долго не мог прийти в себя.

Когда Сусанна вышла во двор, на лбу её красовалась шишка.

Малыши дружно рассмеялись.

Бабушки всплеснули руками, и клубки шерсти раскатились в разные стороны.

Сами понимаете, как rrrrrразозлилась Сусанна!

И – наступила тишина.

Тишина наступила.

Шишка на Сусаннином лбу стала разноцветной.

Кажется, впервые в жизни она (то есть злая девчонка, а не шишка) разревелась по-настоящему, от всей души, а не для того, чтобы кого-нибудь подвести или что-нибудь выпросить.

Она ревела так громко, что ничего не видела и не слышала.

А малыши прыгали вокруг неё и пели:

– Так тебе и надо! Так тебе и надо!

А бабушки прихлопывали в ладоши и даже при-то-пы-ва-ли.

На балконе появился Петька.

Увидев Сусанну, он что, по-вашему, сделал?

Конечно, плюнул.

Но – промахнулся.

– Эй, ты! – крикнул он. – Берегись! Я из тебя котлету сделаю! На постном масле! С луком тебя изжарю, вобла полосатая!

И плюнул.

И опять – промахнулся. Потому что очень нервничал.

Продолжаем нашу программу. Выступают артисты разговорного жанра – бабушки и дедушка

Лёлишнин дедушка, придя в себя после внезапного появления Сусанны, сказал:

– Это безобразие. Надо принимать меры.

Но какие меры и как их принимать, дедушка не знал.

Он сидел, пил молоко и повторял:

– Это безобразие.

Вдруг раздался резкий звонок. Дедушка открыл дверь и увидел двух бабушек.

– Это безобразие, – сказали они, – надо принимать меры.

– Правильно, – согласился дедушка, – это феноменальное безобразие. Прошу вас в комнату.

Но бабушки даже порога не перешагнули, сказали:

– Надо её наказать, обязательно надо наказать. Обязательно и феноменально.

– Правильно, – опять согласился дедушка, – надо её наказать. Феноменально и обязательно.

Тут бабушки переглянулись между собой и спросили:

– А кого наказать?

– Её, – ответил дедушка.

– Кого – её?

– Я забыл, как её зовут, – виновато признался дедушка.

– Ха! Ха! Ха! – сказали бабушки. – Он забыл, как зовут его внучку. Смешно в высшей степени!

– Я не забыл, как зовут мою внучку, но...

– Её, её надо наказать! – перебили бабушки. – Она изуродовала нашего ребёнка! Сделала ему шишку! На лбу! В самом центре!

– Неправда. Шишку вашему ребёнку сделал, видимо, я.

– Вы?!

– Я, – дедушка виновато улыбнулся. – Понимаете, я пил молоко, кипячёное, конечно, и ноги мои в это время были вытянуты, а ваш ребёнок запнулся и...

– Ах! – воскликнули бабушки, и пошатнулись, и стукнулись друг о друга. – Вас надо отвести в милицию. Нет, вас надо положить в тюрьму!

– Меня?

– Вот именно – вас!

– Пожалуйста, – вздохнув, согласился дедушка. – Если вы считаете, что я виноват, пожалуйста. Но я думаю, что виноват не я, а ваш ребёнок.

– Он не может быть виноват!

– Он виноват, – упрямо, но тихо возразил дедушка. – Из-за него, то есть из-за неё, я испугался и пролил стакан кипячёного молока.

– А чего это он испугался? – спросили друг друга бабушки.

– А как она попала в нашу квартиру? – спросил дедушка.

– Как она попала в его квартиру? – спросили бабушки насмешливо. – Ха! Ха! Ха! Уж не хочет ли он сказать, что она прилетела в окно? Ха! Ха! Ха!

– Да, я хочу сказать, что она вроде бы прилетела. Только не в окно, а на балкон. – И дедушка неуверенно добавил: – Ха. Ха. Ха.

Бабушки сказали:

– Пожилой человек, а врёт.

– Я не вру, – покраснев от обиды, сказал дедушка. – Даю вам честное пенсионерское, что ваш ребёнок вошёл не в дверь, а откуда-то появился на балконе.

– Всё ясно, – покачав головами, озабоченно произнесли бабушки, – его надо отправить не в тюрьму, а посадить в больницу.

Больницы и врачей дедушка боялся больше всего на свете. Поэтому он испуганно захлопнул дверь и убежал в комнату.

В это время проснулся Эдуард Иванович.

– Я спал, как Петька из тридцать восьмой квартиры, – сказал он. – Что тут произошло? Сквозь сон я слышал стук, визг, звонок и разговоры. Что случилось?

– Случилось безобразие, – ответил дедушка, – я попал в историю.

– Пустяки, – успокоил его дрессировщик. – Вся жизнь состоит из того, что попадаешь в истории. Главное, чтоб вас не съели. Всё остальное – пустяки. Ну, я на вокзал. Приходит поезд с животными. Как-то они перенесли дорогу? Гастроли начинаются через три дня. Надеюсь, что вы с внучкой будете частыми гостями в нашем цирке.

И дедушка сразу повеселел. Он очень любил цирк. Он даже забыл спросить: а кто же и за что может его, дедушку, съесть?

Только часа через полтора дедушка сообразил, что едят потому, что хотят есть.

Весь вечер на ковре Петька-Пара!

Петька караулил Сусанну.

А она лежала дома на кровати, а вокруг бегали: две бабушки, одна мама и один папа.

Они часто налетали друг на друга, спотыкались, хватались руками за голову и сердце, потому что не знали, как спасти любимого ребёнка.

Ведь любимый ребёнок заявил:

– Если не будете меня слушаться, я умру. Или купите мне тигрёнка. Живого. Полосатого. С хвостом. Такого, какой на афише нарисован.

– Солнышко моё! – воскликнула одна мама. – Мы бы тебе целого тигра купили, но их не продают.

– Не продают, – подтвердил один папа.

– Не продают, – подтвердили две бабушки.

– Меня это не интересует! – крикнул любимый ребёнок и закрыл глаза.

И простонал.

– Доктора! Доктора! Доктора! – закричали две бабушки.

– Врача, – прошептала одна мама.

– Доктора! – приказал один папа.

– Тигрёнка! – громче всех крикнул любимый ребёнок.

И снова забегали, засуетились, заспотыкались, заналетали друг на друга:

две бабушки,

одна мама

и один папа.

Всё это Петька слышал. И захотелось ему на это посмотреть. Он влез на водосточную трубу, откуда до открытого окна было рукой подать.

«Тигра захотела! – подумал он. – Сама ты тигра бесхвостая! Я тебе покажу тигра! Вобла ты в крапинках!»

Хотел Петька слезть на землю, но не смог оторвать ни ног, ни рук.

Прилип.

Труба-то была недавно покрашена – он это заметил ещё тогда, когда лез.

А сейчас вот – прилип.

Да накрепко.

Подошла Лёлишна, спросила:

– Что делаешь?

– Ничего, – ответил Петька, – просто так.

– Слезай. Труба выкрашена.

– Зачем это я слезать буду, если мне здесь нравится?

– Вымажешься.

– Ну и что? Чего ты ко мне пристала?

Подошёл Виктор, спросил:

– Пара, ты что тут делаешь?

– Ничего, – ответил Петька, – просто так.

– По-моему, он прилип, – сказала Лёлишна, – но не сознаётся.

– Пара, ты прилип? – спросил Виктор.

– И чего вы ко мне пристали? – возмутился Петька. – Нельзя человеку на трубе сидеть.

– Ты, пожалуйста, сиди, – сказала Лёлишна, – сиди сколько тебе угодно. Но мне кажется, что ты прилип.

– Да, прилип, – гордо отозвался Петька, – а какое ваше дело? Что, нельзя человеку и прилипнуть?

– Можно, – насмешливо согласился Виктор. – А как отлипнуть будешь?

– Не знаю, – сказал Петька, – просто понятия не имею. Больно отлипнуть-то. Как начну руку тянуть... о-о-ой!

– По-моему, надо ждать, – задумчиво произнесла Лёлишна. – Он вроде бы как яблоко, а труба – это вроде как дерево. Вот и надо ждать, когда он оторвётся.

– Под силой собственной тяжести? – с трудом сдерживая смех, спросил Виктор.

– Как яблоко, – ответила Лёлишна.

– Я бы лучше вроде как арбуз был, – грустно сказал Петька, – или тыква. Лежал бы под силой собственной тяжести, а не висел. О-ё-ёй!

– ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ? – раздался грозный голос, и ребята увидели в окне Сусанниного папу. – ЧТО ТЕБЕ ЗДЕСЬ НАДО?

– Ничего, – ответил Петька.

– ТОГДА УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!

– Убирайся, убирайся, – пробормотал Петька. – А как? Вы что, не видите? Я прилип.

– МЕНЯ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ! – закричал Сусаннин папа. – ЕСЛИ ТЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ УБЕРЁШЬСЯ, Я СБРОШУ ТЕБЯ!

– Нет, вы посмотрите на него, – сказал Петька ребятам. – Ему досталось от любимой доченьки, так он на мне злость срыгает. А доченька у него тигра просит.

– НЕ ТИГРА, А ТИГРЁНКА! – снова криком ответил Сусаннин папа. – УЙДЁШЬ ТЫ ИЛИ НЕТ?

А Петька устал. Но стоило ему расслабить руки, как кожу с ладоней начинало тянуть – больно очень.

– Разрешите ему, пожалуйста, повисеть здесь ещё немножко, – попросила Лёлишна Сусанниного папу. – Он бы с удовольствием слез, но прилип.

– Так тебе и надо! Так тебе и надо! – Это уже дразнилась Сусанна, показавшись в окне. – Пара-тара! Пара-фара!

Не успел Петька подумать, как – плюнул. И не промахнулся. Попал злой девчонке прямо в носик. Она так заревела, что Петька испугался и разжал руки.

Руки-то оторвались от трубы, и он

п
о
л
е
т
е
л
г
о
л
о
в
о
й
в
н
и
з.

Тогда отлипли и ноги. Петька грохнулся на асфальт.

– ОТВЕЧАТЬ БУДЕШЬ! – гремел голос Сусанниного папы. – НЕГОДЯЙ! ХУЛИГАН! БАНДИТ!

Но если вы думаете, что Петька, грохнувшись на асфальт, заревел, то ошибаетесь. Он вскочил на ноги и крикнул:

– Наплачетесь вы ещё с вашей доченькой! Она у вас скоро бегемота запросит! Или крокодила рогатого!

Что тут началось! Сусанна визжала. Папа её кричал. Бабушки возмущённо рыдали.

А мама, упав на колени, воскликнула:

– Будет у нас тигрёнок, только замолчите!

Следующий номер нашей программы несколько задерживается по вине автора

Прошу извинить меня за непредвиденную задержку. Должен вам объяснить, чем она вызвана.

Мне надо потолковать с вами на одну важную тему.

И очень сложную.

И по секрету.

Если кто-нибудь из вас думает, что писатели сидят и сочиняют всё что им придёт в голову, то ошибается.

Вот с этого и начинается наш с вами секретный разговор. Учтите, что ни в одной книге, которую я написал для взрослых, я об этом даже не упоминал.

Только вам расскажу.

Кое-кто из взрослых думает, что нет ничего на свете легче, чем написать книгу.

Не верьте.

Конечно, я имею в виду не всех взрослых. Есть среди них и такие, которые понимают, что написать книгу – ох не так просто!

А я люблю писать для вас. Вы-то верите, что какие бы события ни происходили в книге, – не писатель их выдумал. Они были на самом деле.

Ведь самое смешное, самое скучное, самое интересное, самое страшное, самое светлое, самое злое, самое храброе, самое трусливое, самое тёмное, самое разноцветное выдумывает не писатель, а жизнь.

И сколько бы писатель ни выдумывал, никогда ему и не придумать больше того, что бывает в жизни.

Вот, например, всегда ли слушаются герои автора?

Как бы не так!

Они, то есть герои произведений, частенько совершают поступки, которых от них автор и не ожидал.

Почему?

А вот слушайте.

Когда Петька прилип к трубе, я рассердился на него.

Тем более я вовсе не хотел, чтобы Сусанна прыгала с балкона на балкон.

Но всё это случилось – и что мне делать?

Выхожу я из дому, сижу, разговариваю с ребятами про разные разности.

А сам о том думаю: почему меня мои герои не слушаются и что мне с ними в таком случае делать?

Жалуюсь на них ребятам.

А ребята смеются.

И мне становится смешно.

Всё объясняется просто. Феноменально просто, как сказал бы Лёлишнин дедушка.

Оказалось, что и Петька к трубе прилипал, и Сусанна с балкона прыгала, только я об этом не знал.

Но – догадался.

Считаешь, что придумал, а оно – обязательно было.

А теперь, уважаемые читатели, продолжаем нашу программу!

Эдуард Иванович вышел из дому и увидел вымазанного краской Петьку.

– Кто это вас выкрасил, молодой человек? – удивлённо спросил укротитель.

– Он сам, – ответила Лёлишна, – к трубе прилипал.

– Я прилип, я и отлип, – пробормотал Петька. – Но попадёт мне здорово. Второй раз за один день.

– Это бывает, – весело сказал Эдуард Иванович. – Мне в детстве иногда по шесть раз за один день попадало, а когда вырос, стало раз по восемь за один день иногда попадать. Главное, чтоб вас не съели. Остальное – пустяки. Честное укротительское. Лёля, я вернусь часов в десять.

Он скрылся за углом дома.

Петька крикнул:

– Ура! Совсем забыл! У нас ведь дрессировщик жить будет. То ли кошек он дрессирует, то ли петухов, не знаю. И чего-то он долго не приходит. Спит, наверно. А это что за дядька? Откуда?

– Это и есть дрессировщик, – сказала Лёлишна, – и не кошек и не петухов, а львов. И жить он у вас не будет. Он уже у нас с бабушкой живёт.

– Не пугай ты меня! – взмолился Петька. – Самое моё честное слово: у нас он должен жить. Папка с мамкой в деревню уезжают, а комнату одну решили цирку сдать. Да чтоб дрессировщик и меня подрессировал немного.

– Он к вам и приходил, – объяснила Лёлишна. – А ты спал. И разбудить тебя не было никакой возможности. Мы и позвали его к себе.

Петька плюнул и сказал:

– За это мне тоже попадёт! Ещё как!

– Пойдём-ка отмываться, – предложила Лёлишна. – Придёшь домой чистенький, никто тебя ругать не будет.

– Ругать всё равно будут, – мрачно проговорил Петька. – Я один день ничегошеньки не делал, просто целый день на стуле просидел. И всё равно попало. Вот жизнь!

– Да, – согласилась Лёлишна, – нам тяжело.

– А тебе-то что? – удивился Петька. – Ты сама себе хозяйка. Мне бы так!

– Зато у меня есть бабушка, – грустно произнесла Лёлишна и даже вздохнула. – Ну идём. Будем тебя отмывать керосином.

– А за дрессировщика мне попадёт. – Петька плюнул. – Так попадёт, что... здорово попадёт, не беспокойся. А может, сменяемся? Ты мне дрессировщика отдашь, а я тебе что-нибудь интересное достану. А?

– Не говори глупостей, – сказала Лёлишна. – И не жалуйся. Иногда тебе попадает очень по заслугам.

Они поднялись по лестнице.

Бабушка открыл им дверь и сразу сообщил:

– Меня собираются положить в тюрьму или посадить в больницу. Дорогая Лёлочка, лучше тюрьма, чем больница.

– Будет так, как ты захочешь, – сказала Лёлишна.

И бабушка тут же успокоился.

– Давай отмывай меня, – заторопил Петька, – а то мне попадёт. И всю-то жизнь мне попадает! – с горечью вырвалось у него. – Вы даже себе представить не можете, что у меня за жизнь! Не жизнь, а сплошные попадания. Я уж сбежать хотел. Только не знаю – куда бежать.

Ведь в школу придёшь – ругают, домой придёшь – ругают, спать ложишься – ругают, во сне спишь – знаю! – ругают, проснёшься – то же самое.

– Мне тоже часто попадает, – сказал дедушка, – только мне попадает в вежливой форме, а тебе, видимо, в грубой.

– Во всех формах, – Петька махнул рукой.

– А что мне говорить? – грустно спросила Лёлишна. – Меня вот никто не ругает. К сожалению, некому. Учтите вы, жалобщики, – она попыталась улыбнуться, – тем, кого ругают, конечно, плохо. Но ещё хуже тем, кто вынужден ругать.

Дедушка воскликнул:

– Ты сказала истину!

– И я могу сказать истину, – пробормотал Петька, – я сто истин могу сказать, и за каждую истину мне попадёт. Сусанна вот. Хуже она меня? А живёт она как? Тигра запросила. И получит! Вот у кого жизнь!

Петька говорил и говорил, а Лёлишна оттирала ему руки. Краска смывалась медленно.

– А что со штанами делать? – спросил он.

– Можно в химчистку отдать или порошком «Новость» попробовать.

– Это будет новость! – обрадовался Петька и стал сам оттирать краску.

А Лёлишна поставила на газовую плиту таз с водой и ушла искать порошок.

Пятым номером нашей программы – Виктор Мокроусов ловит тигрёнка

В город приехал цирк.
Ещё задолго до его приезда на рекламных щитах уже красовались яркие афиши.
Виктор каждый день любовался ими, особенно самой яркой.
А на самой яркой афише был нарисован наш знакомый Эдуард Иванович.
А рядом с ним – лев.
А пасть у льва оскалена.
А пасть – огромная.
Вот Виктору и хотелось крикнуть:
– С группой дрессированных львов! С группой дрессированных львов!
Рядом – иллюзионист Григорий Ракитин. (Иллюзионист – значит фокусник. Это тот самый человек, которому никто не верит.)
Воздушные гимнасты, наездники, жонглёры, акробаты-прыгуны, музыкальные экс-центрики – глаза разбегаются!
Так бы и стоял и смотрел бы хоть целый день!
И кричал бы на весь город:
– Цирк приехал шапито!
Цирк приехал шапито!
Красота! Красота! Красотушечка!
Шапито! Шапито! Шапитушечка!
А ещё интереснее взглянуть на сам цирк, пусть он и не работает пока.
Виктор туда – бегом.
Денег на трамвай у него не было, ездить зайцем он не привык, вот и топал пешком да бежал бегом.
Весело ему было.
До того весело, что он трамвай обогнал.
Потом его трамвай обогнал.
Красота! Красота! Красотушечка!
Шапито! Шапито! Шапитушечка!
(Здесь я должен обязательно сказать, что всё-таки хорошо быть невзрослым. Например, мальчишка может бежать по улице, и никто не удивится – беги себе на здоровье, только людей с ног не сбивай. А вот если я побегу по улице, да ещё по центральной... может быть, меня и не остановят, но все будут смотреть на меня и думать: что это с ним случилось? А милиционеры будут подозрительно косить глазами в мою сторону...)

А Виктор бежал да подпрыгивал.
Подпрыгивал да бежал.
Пока не увидел брезентовый купол.
Виктор ещё быстрее и – остановился.
Навстречу ему бежал
тигрёнок.
ЖИВОЙ!
ПОЛОСАТЫЙ!
С ХВОСТОМ!
Бежал он спокойно, как собачонка. И по асфальту за ним тянулся поводок – как у собачонки.

Видимо, поэтому никто и не обращал на него особого внимания.
Только девчонки испуганно повизгивали.
Да кошки шипели, выгнув спины.
Тигрёнок бежал, не поднимая мордашки. Хвост его висел, почти касаясь асфальта.
Виктор остановился и ждал, когда зверёныш подбежит, а сам думал: «Что делать? Что должен делать смелый человек, увидев дикого зверя на улице? Поймать!»
И он схватил поводок.
А тигрёнок нисколько не удивился.
Он сел – ну, честное слово, как собачонка.
Даже облизывался.
Мальчик держал поводок и не знал, что делать дальше.
Так они и стояли.
Вернее, Виктор стоял, а тигрёнок сидел.
И все прохожие им улыбались. Они-то думали, что Виктор или сын дрессировщика, или сын директора зоопарка!
А ведь он не был сыном дрессировщика!
Он не был сыном директора зоопарка!
Первый раз в жизни он держал на поводке тигрёнка!
ЖИВОГО!
ПОЛОСАТОГО!
С ХВОСТОМ!
А вокруг уже собирались любопытные, уже спрашивали:
– Чей зверь?
– Почему без намордника?
– Ну и молодёжь нынче пошла: кошки у них и то стилиаги!
– Это тигр или что?
– Игрушечный он, может?
Тигрёнок забеспокоился, оскалил зубы и порывивал.
Виктор потянул его за поводок в сторону цирка.
Зверёныш потянул в обратную сторону.
И – побежали.
Надо сказать, что скорее не мальчик вёл тигрёнка, а тигрёнок – мальчика.
Так они и бежали.
Встречные уступали им дорогу: кто – испуганно, кто – весело, кто – недовольно (смотря у кого какой характер).
Собаки поджимали хвосты и с визгом убегали.
Кошки шипели, выгнув спины и замерев на месте.
Девчонки, пискнув, прятались за киоски и мусорные тумбы.
Тигрёнок никого не боялся.
Ничего не боялся. Даже автомобилей.
И никому не уступал дорогу.
А Виктор боялся, как бы он не вырвался, и крепко сжимал поводок. Ещё больше он боялся, что их могут задержать. Ведь ясно, что зверёныш откуда-то сбежал и его сейчас ищут. И расставаться с ним жалко.
Тигрёнок рвался и рвался вперёд, словно знал адрес Виктора и торопился к нему в гости поест чего-нибудь вкусенького.

Следующим номером нашей программы летающие штаны и дrrrrrrрака

Петькины штаны Лёлишна выстирала быстро.

– Сушить надо, – сказал он, – на ветру быстрее высохнут.

Он вышел на балкон и стал ими размахивать. Размахивал и приговаривал:

– Сохните, миленькие, сохните! Сохните, сохните, пока не высохнете!

Взглянул вниз и увидел тигрёнка. Раскрыл рот. Разжал пальцы. И штаны начали п

л

а

н

и

р

о

в

а

н

и

е

с пятого этажа...

– Караул! – закричал Петька и бросился за ними, но не по воздуху, а по лестнице.

Когда он выскочил из подъезда, то увидел, что штаны его лежат на асфальте.

А на штанах лежит тигрёнок. И рычит.

– Чья зверюга? – спросил Петька, протянул руку и отпрыгнул: тигрёнок чуть его не цапнул.

– Ты поосторожнее, – сказал Виктор, – он настоящий.

– А мне-то что? Штаны тоже настоящие. Чего он на мои штаны лёг? Тяни его с них!

– Не хочет. Пробовал я. Рычит.

– Кис-кис-кис! – позвал Петька. – Иди, иди. Мяу, мяу!

– Ты его не дразни, – посоветовал Виктор, – он ведь зверь, хотя и маленький, И что мне с ним делать?

Из подъезда вышла Лёлишна, и Виктор рассказал ей, как поймал тигрёнка, как они прибежали сюда.

– Глупые вы, глупые, – смеясь, сказала Лёлишна, – так ведь он из цирка. Придёт Эдуард Иванович и заберёт его.

– Придёт, придёт, – проворчал Петька, – заберёт, заберёт. А как я домой без этих штук вернусь?

Откуда ни возьмись появилась Сусанна и закричала:

– Ой, какой малюсенький! Какой полосатенький! Дай я тебя поцелую, лапочка!

Тигрёнок бросился от неё наутёк.

Даже хвост поджал.

– Звери и то её боятся, – сказал Петька, забирая штаны.

– Лёлишна, за мной! – скомандовал Виктор, и они бросились следом за злой девчонкой.

А она, повизгивая, мчалась за тигрёнком. Он убегал от неё большими прыжками.

– Эй, ты! – крикнул Виктор. – Имей совесть! Не пугай его!

Но злая девчонка летела, почти не касаясь земли ногами.

Визжала и кричала.

Они уже далеко убежали от дому. Картофельное поле кончилось, впереди было шоссе, за ним – сосновый бор.

И Виктор подумал: если Сусанну не остановить, она загонит тигрёнка в лес, и там его уже не поймать.

Мальчик сделал отчаянный рывок.

Подножку...

И Сусанна полетела вверх тормашками.

Один раз перевернулась в воздухе.

И восемь раз по земле.

Вииииизг раздался такой, что будь я злым человеком, то написал бы: будто шесть поросят пятачками на гвоздь наткнулись.

Пока Сусанна перевёртывалась, Виктор пробежал мимо и вместе со зверёнышем промчался дальше. Они знали, что им несдобровать.

Через плечо Виктор увидел, что Сусанна вся перепачкана землёй, платице порвано, волосы растрёпаны, а лицо – берегись!

– Берегись! – крикнул Виктор тигрёнку.

И тот прошмыгнул перед колёсами автомашины, которая неслась по шоссе.

Прошмыгнул и оказался на той стороне дороги.

Автомобили летели в одну и другую стороны.

Перебежать шоссе не было никакой возможности.

Виктор обернулся и приготовился встретить Сусанну. Конечно, он её не боялся, но как драться с девчонкой? Какой бы она ни была, всё равно – девчонка. А их бить нельзя, даже таких, как эта.

А ещё надо учесть, что Сусанна прекрасно умеет кусаться и царапаться.

Едва она подскочила, оскалила зубки, намереваясь его цапнуть, Виктор вывернул ей руки за спину и сказал:

– Спокойно, моя дорогая.

И получил пинок пяткой в коленку.

Чуть не вскрикнул, но рук не разжал.

Сусанна пиналась так, что только ноги мелькали. Виктор увёртывался, отскакивал – рук не разжимал.

Сусанна визжала,

кричала,

пищала,

орала и

пиналась.

Подбежала Лёлишна.

– Спасай тигрёнка! – задыхаясь, сказал Виктор. – А я этого зверя держать буду.

Лёлишна каким-то чудом проскочила между несущимися на полной скорости автомашинами и исчезла в лесу.

– Перестань, радость моя, перестань, – уговаривал Виктор, а Сусанна продолжала визжать,

кричать,

пищать,

орать и

пинаться.

Откуда только силы у неё брались?

От злости.

– Да перестань ты! – Виктор дёрнул её за руки. – Плохо тебе будет! В канаву столкну и камнем придавлю!

– Попробуй! Попробуй! – проверещала Сусанна. – Вот вырвусь, я тебе нос откушу и глаза повыцарапы-пы-ва-ва-ю!

– Вот что... сейчас я отпускаю тебя... но если ты попробуешь...

– Попробую, попробую, попробую, попробую!

Увёртываться от её пинков было всё труднее: Виктор просто устал.

Следующим номером нашей программы ПЕРВАЯ В МИРЕ ДЕВОЧКА – УКРОТИТЕЛЬНИЦА ТИГРЁНКА!

Лёлишна нашла тигрёнка быстро, потому что он блуждал по лесу и скулил жалобно – как щенок, которого не пускают в дом.

Но, заметив Лёлишну, он бросился улёпетывать со всех лап: принял её за Сусанну.

– Не бойся, я – это не она! – крикнула девочка, и он сразу остановился.

Сидел он, запыхавшийся, усталый, жалкий даже, но, когда она подбежала, зарычал.

– Ну что ты, полосатенький? – ласково удивилась Лёлишна. – Я тебя к Эдуарду Ивановичу отведу. Накормим тебя, сахару дадим и ещё чего-нибудь вкусенького.

Но тигрёнок опять прорычал, словно хотел сказать:

– Знаю я вас, девчонок. Наобещаете сахару, а на самом деле заставите бегать высунув язык. Знаю, знаю я вашего брата. Вернее, вашу сестру.

– Не будешь же ты здесь сидеть до утра? – спросила Лёлишна. – Голодный ведь ты, усталый. Идём.

Тигрёнок лёг, положив мордашку на передние лапы. Дышал он тяжело и временами закрывал глаза.

Тогда девочка набралась смелости и погладила его.

Глаза зверёныша сразу стали весёлыми, он стукнул хвостом себя по бокам, прорычал, но уже не сердито – словно сказал:

– Ладно уж, поверю тебе. Но в последний раз. Если обманешь – съем!

Лёлишна почесала ему за ушами, и тут тигрёнок совсем подобрел, лизнул ей руку твёрдым шершавым языком.

Девочка тихонько запела:

Спи, тигрёнок мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Скоро глянет месяц ясный
В мордочку твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою.
Ты ж дремли, закрывши глазки.
Баюшки-баю...

Тигрёнок будто понял песенку: закрыл глаза. Чёрные влажные ноздри его вздрагивали. Вдруг он вскочил и зарычал.

Лёлишна испуганно обернулась.

К ним подбежал Виктор. Колени его были в синяках.

– Нашла! – радостно воскликнул он. – А я от этой зверюги еле-еле освободился. Испынала меня всего. Чуть-чуть не искусила. Пришлось бы уколы мне ставить... Что с тигром делать будем?

– Домой поведём, – ответила Лёлишна. – Я с ним почти договорилась. Идём, полосатенький!

Тигрёнок выпрямил передние лапы, потянулся, сладко зевнул и двинулся вперёд.

За поводок его держала Лёлишна.

Следующий номер нашей программы опять задерживается и опять по вине автора

Торопясь как можно скорее начать представление, я забыл включить в состав участников парада и тигрёнка, и ещё одно живое существо.

С тигрёнком (зовут его Чип) вы уже познакомились, а теперь знакомьтесь с живым существом по имени Хлоп-Хлоп. Это мартышка. Но так как Хлоп-Хлоп хоть и мартышка, но он, а не она, буду называть его мартышем.

Ну и хитрый же он! Сотворит что-нибудь не очень хорошее, заберётся куда-нибудь наверх, откуда его не достать, сидит там и сам себе аплодирует – в ладоши хлопает.

Один раз украл в оркестре флейту, забрался под купол цирка и давай дудеть изо всех сил. Подудит-подудит, флейту под мышку и сам себе аплодирует.

Проказник он просто невозможный. Львы Эдуарда Ивановича его даже побаиваются.

Никто не умеет их так злить, как хитрый мартыш.

Насобирает он камешков, сядет напротив клеток и давай самому старшему льву, Цезарю, в морду их бросать.

Цезарь лапой ему грозит, рычит на весь цирк, а Хлоп-Хлоп камешки бросает, ехидно попискивает и сам себе аплодирует – очень доволен!

Каждый камешек попадает точно в цель – прямо в нос льву.

Ему не столько больно, сколько обидно.

А раз старший лев рычит и беснуется, то вслед за ним начинают рычать и бесноваться все львы и львицы.

За ними – все звери в цирке.

Даже ослы режут.

Пронзительно кричат попугаи.

Трубит слон.

Лошади тревожно ржут.

И кто бы мог подумать, что этот несусветный переполох происходит по вине маленького мартыша?

А он сидит себе как ни в чём не бывало.

Цезарь с товарищами клетки готовы разнести: обидно!

Хорошо, если поблизости оказывался Эдуард Иванович. Он-то хорошо знал, чьих это лап дело, и быстро успокаивал своих львов и львиц, а вслед за ними успокаивались постепенно все звери и птицы.

Но если Эдуарда Ивановича поблизости не оказывалось, то случалось, что за виновника переполоха принимали бедного льва, и тогда ему доставалось.

Хлоп-Хлоп с невинным видом сидел в сторонке, восторженно попискивал и сам себе аплодировал.

Зато когда он не проказничает, чудо что за мартыш! Добрый, ласковый, понятливый. Заберётся на плечо к хозяину и гладит его седые волосы.

Но потом вдруг спрыгнет с плеча на стол и давай в Эдуарда Ивановича книгами бросаться.

Хлоп-Хлоп думает, что это очень весёлая игра, и искренне обижается, когда хозяин его отшлёпает.

Когда же обижают самого мартыша, то слезам его нет конца. Плачет он так долго, что становится мокрым – будто погулял под проливным дождём.

И чем больше его утешают, тем дольше и громче он плачет.

Если другие плачут, Хлоп-Хлоп хохочет. Вот он какой несознательный!

Продолжаем нашу программу!

Когда обнаружили исчезновение Чипа, все в цирке всполошились.

Шутка сказать: зверь сбежал в город. Правда, тигрёнок – это ещё ребёнок. Но ребёнок особенный.

Позвонили в милицию.

Несколько рабочих и артистов разбежались в разные стороны – искать Чипа.

Для Эдуарда Ивановича не было загадкой то, как мог исчезнуть Чип. Уже не в первый раз Хлоп-Хлоп выпускал на свободу своего маленького друга. Но раньше каждый раз тигрёнка удавалось поймать ещё в цирке.

Эдуард Иванович разыскал Хлоп-Хлопа.

Мартыш забрался к нему на плечо и что-то нежно пропищал.

– Негодный тип, – сказал Эдуард Иванович, – зачем ты отвязал Чипа? А ещё другом называешься!

Хлоп-Хлоп опять что-то пропищал и погладил хозяина по седым волосам.

– Ты ещё и подлиза? – гневно спросил тот. – Подвёл меня и ласкаешься?

Мартыш заморгал хитрыми глазами, пожал плечиками и почесал затылок: дескать, ума не приложу, за что это меня ругают?

– Будешь отвечать!

Хлоп-Хлоп спрыгнул на стол, вытаращил глазки, вытянулся, как бравый солдат по стойке «смирно», и приложил лапу к уху.

Эдуард Иванович рассмеялся: он весёлый человек, а весёлые люди долго не сердятся.

– Хитрюга ты, – сказал он. – Если бы ты родился не мартышом, а человеком, то обязательно бы стал жуликом.

Хлоп-Хлоп обрадованно закивал, попискивая, и на всякий случай сам себе похлопал в ладоши.

А в кабинете директора раздавались телефонные звонки: это сообщали о том, что пока тигрёнок не обнаружен.

Девятый номер нашей программы

Лучше всего было бы провести тигрёнка прямо в дом и ждать Эдуарда Ивановича.

Но как пройти мимо Сусанны?

Или сразу в цирк?

Но не хотелось идти со зверёнышем по улицам.

– Я на разведку, – сказал Виктор, – а вы ждите меня.

Ещё издали он увидел злую девчонку и остановился. Зная её характер, Виктор сразу догадался, что она сидит на окне не просто так, как люди сидят, а что-нибудь придумала.

Даже издали можно было разглядеть, что Сусанна скалит зубки.

«Будь что будет!» – решил мальчик и двинулся к дому.

Чем ближе он подходил, тем медленнее переставлялись ноги.

– Папочка в милицию звонил! Папочка в милицию звонил! – увидев Виктора, закричала Сусанна. – На машиночке за тобой приедут! За решёткой, миленький, посидишь, за решёткой! Пятнадцать суточек! Пятнадцать суточек! – Она хихикнула. – А Лёлишна-пир-бемолишна где? А тигрёночек полосатенький, лапонька моя миленькая, где? Мне его купят, хвостатенького! Где он?

– Они в цирк ушли, – соврал Виктор. – А в милицию я поеду с удовольствием. И за решёткой с удовольствием посижу. Только бы тебя, дорогая, не видеть. А кроме того, и про тебя в милиции кое-что рассказать можно.

– А что про меня рассказывать? А что про меня рассказывать? Мамочка говорит, что я пострадавшая. А бабусеньки говорят, что по тебе тюрьма плачет. Потому что ты – уголовный элемент.

– Сама ты элемент.

– А вот и нет! А вот и нет! Я единственный ребёнок! У меня музыкальные способности! У нас пианинка есть, а у вас нет! Мне тигрёночка купят, а тебе нет! Мне...

– Надоело тебя слушать, – оборвал Виктор, так и не решив, что же ему делать. – Шла бы ты спать, что ли. И тебе приятно, и людям спокойнее. Иди, иди. Бай-бай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.